

Научная статья
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-236-260>
<https://elibrary.ru/UPUDGB>
УДК 82-1

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Вера ТЕРЕХИНА, Алексей ЗИМЕНКОВ

МЕКСИКАНСКАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО: ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ

Аннотация: В статье рассматривается история так называемой «мексиканской» записной книжки Маяковского, с которой он в 1925 г. путешествовал из Европы в Америку и обратно. В ней сохранилась единственная запись на испанском языке министра просвещения Мексики М. Касауранка и есть следы вырванных страниц. По свидетельству Маяковского, далее следовало краткое обращение к трудящимся Советской России, написанное по-испански депутатом Ф. Морено, которое поэт уничтожил при пересечении границы США, опасаясь политических осложнений. Было высказано предположение, что к данной записной книжке принадлежат две отдельные страницы из архива Маяковского с автографами Ф.-Т. Маринетти по-французски. Привлекая новые архивные и мемуарные источники, авторы исследуют социокультурные и биографические обстоятельства получения автографа. Особое внимание уделяется интерпретации целей и результатов поездки Маяковского в Мексику, его контактам (Альфонсо Рейес, Диего Ривера, Мануэль Касауранк, Франсиско Морено, Тина Модотти, Лист Арсубиде). На основании историко-литературного и текстологического анализа мексиканской записной книжки обоснована ее публикация в составе 19-го тома Полного собрания произведений В.В. Маяковского в 20 томах (ИМЛИ РАН).

Ключевые слова: Маяковский, записные книжки, Мексика, Мануэль Пуиг Касауранк, Франсиско Хавьер Морено, Диего Ривера.

Сведения об авторах: Вера Николаевна Терехина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8708-9914>. E-mail: veter_47@mail.ru. Алексей Павлович Зименков, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: zimvid@yandex.ru.

Для цитирования: Терехина В.Н., Зименков А.П. Мексиканская записная книжка Владимира Маяковского: факты и гипотезы // Литература двух Америк. 2022. № 12. С. 236–260. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-236-260>.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00477 «Поэтика и текстология записных книжек В.В. Маяковского (1917–1930)». Авторы благодарят А.Ф. Кофмана и О.Ю. Панову за профессиональную помощь в работе над статьей.

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-236-260>

<https://elibrary.ru/UPUDGB>

UDC 82-1

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Vera TEREKHINA, Aleksei ZIMENKOV

VLADIMIR MAYAKOVSKY'S MEXICAN NOTEBOOK: FACTS AND HYPOTHESES

Abstract: The article deals with the history of the so-called Mexican notebook of Mayakovsky, he traveled with from Europe to America and back in 1925. The notebook preserves one record in Spanish made by José Manuel Puig Casauranc, Minister of Public Education in Mexico, and traces of torn pages. According to Mayakovsky's testimony, Casauranc's record was followed by a brief appeal to the working people of Soviet Russia, written in Spanish by the deputy F. Moreno, which the poet destroyed when crossing the US border, fearing political complications. It was suggested that two separate pages from Mayakovsky archive with the autographs of F.-T. Marinetti in French belong to this notebook. Drawing on new archival and memoir sources, the paper explores social, cultural and biographical circumstances of getting the autograph. Particular attention is paid to the interpretation of the goals and results of Mayakovsky's trip to Mexico, his contacts (Alfonso Reyes, Diego Rivera, Manuel Casauranc, Francisco Moreno, Tina Modotti, List Arsubido). On the basis of historical, literary and textual analysis of the Mexican notebook, its publication as part of the 19th volume of the Complete Collection of Works by V.V. Mayakovsky in 20 vols. (IWL RAS) is justified.

Keywords: Russian-Mexican literary connections, Vladimir Mayakovsky, notebooks, Mexico, José Manuel Puig Casauranc, Francisco Javier Moreno, Diego Rivera.

Information about the authors: Vera N. Terekhina, Doctor Hab. in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8708-9914>. E-mail: veter_47@mail.ru.

Aleksei P. Zimenkov, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: zimvid@yandex.ru.

For citation: Terekhina, Vera, and Aleksei Zimenkov. "Vladimir Mayakovsky's Mexican Notebook: Facts and Hypotheses." *Literature of the Americas*, no. 12 (2022): 236–260. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-236-260>.

Acknowledgements: The research was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant no. 20-012-00477 "Poetics and text studies of V.V. Mayakovsky's notebooks, 1917–1930." The authors express their gratitude to Andrey Kofman and Olga Panova for their professional help with the article.

Среди 74 записных книжек Владимира Маяковского (1893–1930), которыми он пользовался с 1917 г. и до последних дней жизни, сохранилась книжка под архивным номером 32. Это блокнот размером 14,4x19 см, в черном кожаном тисненном переплете с кармашком и петлей для карандаша. Из 59 листов в нем заполнено лишь два: оборот листа 3 и лист 4, есть следы вырванных листов. Остальные из сохранившихся страниц чистые. Книжка была подарена Маяковскому Лилей Брик перед его отъездом за границу в мае 1925 г. Об этом свидетельствует ее рисунок на форзаце — маленькая кошечка¹ (такая монограмма есть на записной книжке № 2, 1918 г.).

Изучение истории записной книжки № 32 и ее текстологического статуса началось недавно в связи с подготовкой очередного тома Полного собрания произведений В.В. Маяковского, работа над которым ведется в ИМЛИ РАН². Впервые в практике научных собраний наследия Маяковского в 19-м томе будут опубликованы тексты его записных книжек, хранящихся в архивах. Их основное содержание — творческие записи, черновые наброски произведений, поиски рифм. Это обширный материал, лишь частично использованный в качестве вариантов основного текста. В большинстве книжек есть также записи делового характера, фамилии, адреса, телефоны, чужие записи.

Если же вернуться к рассматриваемой записной книжке № 32, окажется, что это единственная книжка, где нет ни слова, написанного самим Маяковским, ни одной заметки, сделанной его рукой. Перед составителями тома возникла задача: на каком основании можно публиковать эту записную книжку в основном корпусе книжек с автографами Маяковского? Требовалось установить, каково могло быть содержание записной книжки, и почему Маяковский сохранил ее в своем архиве.

Единственную запись в книжке на развороте 3–4-й страниц сделал на испанском языке известный журналист, издатель, а в то время министр народного просвещения Мексики Мануэль Пуиг Касауранк (José Manuel Puig Casauranc, 1888–1939). Этот автограф был опубликован в статье В.А. Арутчевой о записных книжках Маяковского [Арутчева 1958: 390]. Там же исследовательница сделала предположение, что «в этой же книжке, в Париже, перед поездкой Ма-

¹ Знак кошечки заменял имя Л.Ю. Брик («Киса», «Кисяттик» и пр.), тогда как Маяковский использовал знак собаки («Щен», «Щеник» и др.).

² *Маяковский В.В.* Полн. собр. произведений: в 20 т. / отв. ред. В.Н. Дядичев, В.Н. Терехина, А.М. Ушаков. М.: Наука, 2013–2016. Т. 1–4.

яковского в Америку, итальянский поэт-футурист Маринетти оставил две записи на французском языке [...]. Листки эти вырваны из книжки и хранятся в Библиотеке-музее В.В. Маяковского отдельно. Только недавно путем сопоставления выяснилась их принадлежность книжке № 32. И, по-видимому, в этой же книжке, судя по вырванным листкам, находился автограф мексиканского коммуниста Морено, вскоре убитого правительственными убийцами» [Арутчева 1958: 390].

В ходе нашей работы гипотеза В.А. Арутчевой получила подтверждение благодаря новым архивным документам и мемуарным свидетельствам. Это прежде всего относится к датировке записной книжки, условно называемой «мексиканской». Книжка совершила с Маяковским давно задуманное им путешествие в Америку. Маяковский выехал из Москвы 25 мая 1925 г., а возвратился через полгода — 22 ноября 1925 г. Это была самая длительная зарубежная поездка поэта, который называл себя «полпредом стиха», сравнивая свою деятельность с работой первых советских послов — полномочных представителей СССР.

Маяковский восемь раз выезжал за пределы страны и побывал в Латвии, Эстонии, Германии, Франции, Мексике, Америке, Польше, Чехословакии, заезжал по пути в Испанию, на Кубу. Агитационное, политически заостренное творчество Маяковского послереволюционных лет, сатира на действовавших глав государств становились известными в официальных кругах зарубежных стран, что было причиной многих трудностей с получением виз.

Кой о чем приходится помолчать условиться,
помните? — пословица:

«Не плюй вниз

в ожидании виз» [Маяковский 1955–1961, 4: 33]

Поэту приходилось брать официальные сопроводительные письма от Наркомпроса, ВОКСа, газеты «Комсомольская правда» для получения виз. Тем не менее, правительство Латвии после его визита весной 1922 г. осенью того же года отказало поэту в транзитной визе. Секретный документ английской службы в 1923 г. предписывал не впускать сотрудника «Известий» и большевистского плакатиста РОСТА в пределы Великобритании и стран Содружества [Янгфельдт 2009: 302–304]. Он дважды пытался получить въездную визу в США, но безуспешно: в 1923 г. подавал документы в английское

представительство в Москве, надеясь попасть в Америку через Канаду, в 1924-м ждал американскую визу в Париже, сообщая в интервью о приглашении читать стихи и лекции в Америке. Поездка в Париж в 1925 г. также была связана с планами побывать в США, на сей раз проехав через Мексику.

25 мая 1925 г. Маяковский вылетел из Москвы в Кенигсберг, затем поездом через Берлин приехал в Париж. Здесь Маяковский участвовал в открытии Всемирной выставки декоративных искусств, где были представлены рекламные плакаты с подписью «Реклам-конструктор Маяковский-Родченко». Авторы получили серебряную медаль по разделу «Искусство улиц». Тогда же произошла встреча Маяковского с основателем итальянского футуризма Ф.-Т. Маринетти, и в записной книжке появилась первая запись, вероятно открывавшая ее (л. 1 об. — л. 2). Она и сообщила этой книжке соответственный статус — «для автографов». Следующей записью стали слова мексиканского министра Касауранка, о которых упоминалось выше.

Но как Маяковский оказался в Мексике?

До сих пор остается неясным, кто предложил поэту путь в Америку через Мексику, только что установившую дипломатические отношения с СССР. Возможно, это был чех по национальности Чарльз Рехт, юрист советской организации «Амторг» в Нью-Йорке. Он пытался помочь поэту в 1924 г. получить визу в США. Могли содействовать в этом парижские друзья Маяковского, среди которых были успешные познакомиться с послом Мексики во Франции. Как бы то ни было, приехав в Париж, Маяковский сразу же занялся получением мексиканской визы. Об этом узнаем из его письма к Л.Ю. Брик от 2 июня 1925 г.: «Пишу тебе только сегодня, потому что субботу, воскресенье и понедельник все закрыто и ничего нельзя было узнать о Мексиках, а без Мексик я писать не решался. Пароход мой, к сожалению, идет только 21 (это самый ближайший). Завтра беру билет» [Катанян 1985: 300]. Очевидно, речь шла о закрытом в те дни мексиканском посольстве и предстоящей встрече с послом Альфонсо Рейесом. Была ли эта встреча условлена по дипломатическим каналам, письмом Луначарского, как это не раз случалось, или в частной договоренности, — главное, Маяковский знал заранее, к кому он идет. Он включил это событие в очерк «Мое открытие Америки»: «Уже мексиканский посол в Париже, г-н Рейес, известный новеллист Мексики, предупреждал меня, что сегодняшняя идея мексиканского искусства — это исход из древнего, пестрого, грубого индейского искусства, а не из эпигон-

ски-эклектических форм, завезенных сюда из Европы. Эта идея — часть, может, еще и не осознанная часть, идеи борьбы и освобождения колониальных рабов» [Маяковский 1955–1961, 7: 275]. Не случайно Маяковский отметил писательскую известность посла, занимавшего этот пост в Париже в 1925–1927 гг. Рейес, вращавшийся не только в дипломатических, но в литературных и артистических кругах, поддерживал знакомство со множеством европейских и американских деятелей культуры, среди которых было немало знаменитых имен — Поль Валери, Адриенна Монье, Габриела Мистраль, Висенте Уйдобро, Поль Моран, Жан Кокто, Жюль Ромен, Альсидес Аргедас, Жан Кассу, Робер и Соня Делоне и многие другие. Среди них, по крайней мере, супруги Делоне, Поль Моран, Жюль Ромен, Жан Кокто хорошо знали Маяковского и могли рекомендовать его мексиканскому послу. Позже, будучи послом в Аргентине, Рейес каждое воскресенье обедал с Х.Л. Борхесом, который назвал Рейеса «величайшим прозаиком на испанском языке всех времен»³. Рейес оформил визу Маяковскому и, поскольку беседовал с ним об искусстве, об индейских истоках новой мексиканской живописи, вероятно, попросил художника Диего Риверу встретить Маяковского на вокзале Мехико. В свою очередь, Ривера отправил своего друга Хуана Проаля помочь Маяковскому добраться до Мехико из Веракруса, куда поэт прибыл 8 июля. В очерках «Мое открытие Америки» Маяковский отметил:

Вера-Круц. Жиденький бережок с маленькими низкими домишками. Круглая беседка для встречающих рожками музыкантов... Сейчас же за таможней пошла непонятная, своя, изумляющая жизнь...

Отъехали в девять вечера.

Дорога от Вера-Круц до Мехико-сити, говорят, самая красивая в мире. На высоту 3000 метров вздымается она по обрывам, промежду скал и сквозь тропические леса. Не знаю. Не видал. Но и проходящая мимо вагона тропическая ночь необыкновенна... [Маяковский 1955–1961, 7: 276].

Журналисты сохранили подробности встречи в Мехико:

³ *Борхес Х.Л.* Альфонсо Рейес // Борхес Х.Л. Собр. соч. СПб.: Амфора, 2005. Т. 2. С. 729–731.

Утром, когда он приехал из Вера-Круц в Мехико-сити, его встречали на вокзале известный мексиканский художник Диего Ривера со своей помощницей — Анайей... Анайя, от наблюдательного взгляда которой ничто не может укрыться, воскликнула, когда Маяковский вышел из вагона:

— Смотрите, дон Диего, смотрите! У него билет пульмановского вагона, а он выходит из вагона второго класса.

Художник сказал: «Если Маяковский будет путешествовать по Мексике, то он поедет только во втором классе, чтобы увидеть нас такими, какие мы есть...» (цит. по: [Кэмрад 1970: 68–69])⁴.

Завезя вещи в гостиницу, Маяковский и Ривера отправились в музей. Об этом читаем в очерке: «Смотрели древние, круглые, на камне, ацтекские календари из мексиканских пирамид, двумордых идолов ветра, у которых одно лицо догоняет другое» [Маяковский 1955–1961, 7: 272]. Обедали в доме Риверы традиционной мексиканской едой — по описанию, кукурузные лепешки и бурритос. Переночевав в гостинице, Маяковский переехал в советское представительство. В тот же день в газете *Excélsior* (10 июля 1925 г.) появилась статья:

Владимир Маяковский, известнейший из современных русских поэтов, прибыл вчера в нашу столицу и был встречен на станции представителем Советского посольства, в помещении которого он и поселился в качестве гостя. Внимание, предметом которого сделался прославленный поэт, побудило нас попытаться получить у него интервью, представляющее, несомненно, тем больший интерес, поскольку его страна являет собой цель, к которой устремлены взоры всего мира с тех пор, как несколько лет назад произошла великая большевистская революция.

Поэт вел беседу с помощью переводчика с мексиканским художником Диего Риверой, когда мы пришли в посольство. Мы тотчас же приступили к интервью. [...] Господин Маяковский рассказал нам о том интересе, который он всегда испытывал по отношению к Мексике, выразил удовлетворение, что его давнее желание посетить эту

⁴ Цитата из статьи Хосе Д. Фриаса «Новая лирика. Русский поэт Владимир Маяковский» (“El poeta ruso Vladimiro Mayakowsky”), опубликованной в столичном мексиканском журнале *El Universal ilustrado*, 23 julio 1925, 25, 54.

страну наконец осуществилось, и сообщил, что намеревается остаться в ней в течение месяца. [...]

— Я знал, что здесь мне окажут прием лучший, чем в какой-либо другой стране в Америке...

Как он дал нам понять, русская литература основана исключительно на темах общественных и благожелательна по отношению к существующему там строю.

Мы расстались с Маяковским после нашего короткого интервью, а он возобновил беседу с художником (цит. по: [Катанян 1985: 303–304]).

Несколько уточнений по тексту этой заметки: Ривера слабо понимал по-русски, Маяковский едва объяснялся по-французски. Запаса слов могло хватить при осмотре музея и муралей, но в повседневном общении было недостаточно (так, в очерке Маяковского упомянут годовалый сын Риверы, а не дочь). Отмеченный журналистом переводчик — некий Витас — служил в полпредстве и собрал для Маяковского вырезки из прессы.

Особое впечатление на Маяковского произвела роспись здания Министерства народного просвещения. Настенную живопись (муралы) выполнил Диего Ривера и «показал прошлую, настоящую и будущую историю Мексики». Маяковский сам мечтал о подобных масштабах творчества. Монументальные росписи были заказаны предыдущим президентом, но работа продолжалась при президенте Плутарко Элиасе Кальесе (1924–1928), который назначил главой Министерства народного просвещения Хосе Мануэля Пуига Касауранка. Касауранк — мексиканский политик, дипломат и журналист, по образованию врач, в 1911 г. получил диплом в Медицинской школе в Мехико. В том же году он был избран депутатом Конгресса, позже занимал должности министра народного образования, министра промышленности, торговли и труда, министра иностранных дел, работал как федеральный законодатель в Сенате и в Палате депутатов, был ключевым советником Кальеса. С именем Касауранка связана непростая ситуация, сложившаяся вокруг росписей, сделанных Риверой.

Какими Маяковский увидел муралы Дворца просвещения? Сравним два описания.

По словам Л. Осповата, автора книги о Ривере, в Министерстве народного просвещения художник принялся за внутренние стены,

обступающие парадную лестницу на всем ее протяжении с первого до третьего этажа:

Диего замыслил дать здесь своего рода обобщенный портрет родной страны, который будет постепенно возникать перед глазами зрителя, поднимающегося по лестнице, — такой же примерно портрет, что складывается в сознании путника, совершающего восхождение с берегов Мексиканского залива к заснеженным вершинам на плоскогорье. Перетекая со стены на стену, развернется панорама природных зон, сменяющих друг друга: подводный мир океана, жаркие прибрежные области, плодородные склоны, равнина центрального плато, дремлющие вулканы. А в образах людей, населяющих эти зоны, художник решил олицетворить различные стадии исторического процесса, и поныне представленные в Мексике, — от примитивного строя индейских племен до современного общества с его противоречиями и борьбой [Осват 1969:46].

В очерке Маяковского читаем:

Это много десятков стен, дающих прошлую, настоящую и будущую историю Мексики.

Первобытный рай, со свободным трудом, с древними обычаями, праздниками маиса, танцами духа смерти и жизни, фруктовыми и цветочными дарами.

Потом — корабли генерала Эрнандо Кортеса, покорение и закабаление Мексики.

Подневольный труд с плантатором (весь в револьверах), валяющимся в гамаке. Фрески ткацкого, литейного, гончарного и сахарного труда. Подымающаяся борьба. Галерея застреленных революционеров. Восстание с землей, атакующей даже небеса. Похороны убитых революционеров. Освобождение крестьянина. Учение крестьян под охраной вооруженного народа. Смычка рабочих и крестьян. Стройка будущей земли.

Коммуна — расцвет искусства и знаний» [Маяковский 1955–1961, 7: 275–276].

Нельзя не отметить близость этих описаний, сделанных со слов Риверы. Это своеобразное либретто грандиозных по площади и по замыслу муралей. Как подчеркнул Маяковский, «поженить

грубую характерную древность с последними днями французской модернистской живописи хочет Диего в своей еще не оконченной работе — росписи всего здания мексиканского министерства народного просвещения» [Маяковский 1955–1961, 7: 275].

Продолжая рассказывать о росписях Риверы, Осповат воспользовался выражением Маяковского — картины «первобытного рая», также отметив, что их стилевое своеобразие в отступлении от прямого этнографизма:

На нижних панелях лестничной клетки Диего изобразил подземные воды и морские глубины, водолазов, искателей жемчуга. Выше начинается тропический лес. Могучие стволы перевиты лианами, фантастическая птица качается на ветвях, и обнаженные женщины выглядывают из листвы, доверчиво и невинно выставляя напоказ дразнящую красоту своих тел. Используя наброски, сделанные в Теуантепеке, Диего отнюдь не стремился к этнографической достоверности — он писал первобытный рай, детство человечества, и в созданной им картине ожили смутные впечатления и тайные влечения его собственного детства» [Осповат 1969: 47].

В том же духе, вспоминая прочитанные в детстве книги, передает свои впечатления от природы Мексики Маяковский:

Такой земли я не видал и не думал, что такие земли бывают.

На фоне красного восхода, сами окрапленные красным, стояли кактусы. Одни кактусы. Огромными ушами в бородавках вслушивались нопаль, любимый деликатес ослов. Длинными кухонными ножами, начинающимися из одного места, вырастал могея [...]. А за нопалем и могеем, в пять человеческих ростов, еще какой-то сросшийся трубами, как орган консерватории, только темно-зеленый, в иголках и шишках» [Маяковский 1955–1961, 7: 274].

Увиденное разнообразие кактусов Маяковский зарисовал (С. Эйзенштейн сравнил тот рисунок с украинской вышивкой).

Судьба фресок Риверы во многом зависела от министра просвещения Касауранка. В интерпретации Л. Осповата Касауранк с пониманием отнесся к работе Риверы:

Все с тем же непроницаемым выражением лица сеньор Касауранк покидает Двор Труда и начинает восхождение по парадной лест-

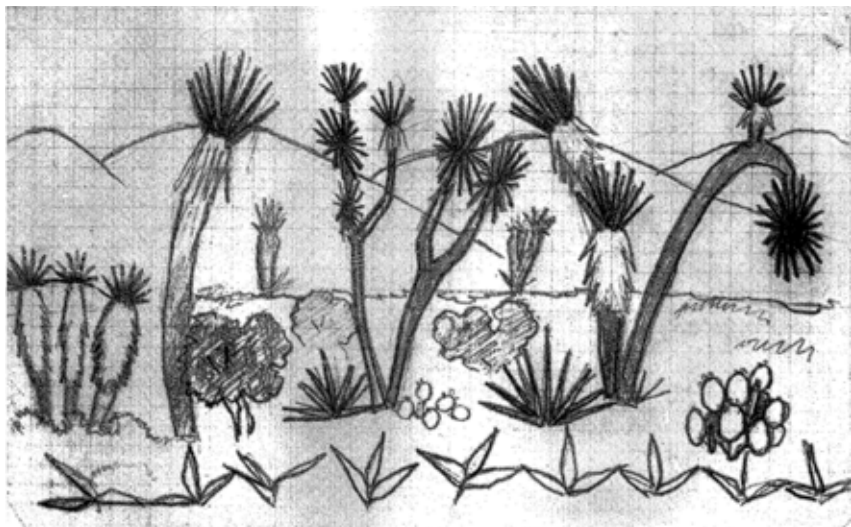

Рисунок В. Маяковского, сделанный в Мексике (записная книжка № 33, 1925 г.)

нице. На верхней площадке он задирает голову и долго рассматривает автопортрет Диего. Затем поворачивается к окружающим.

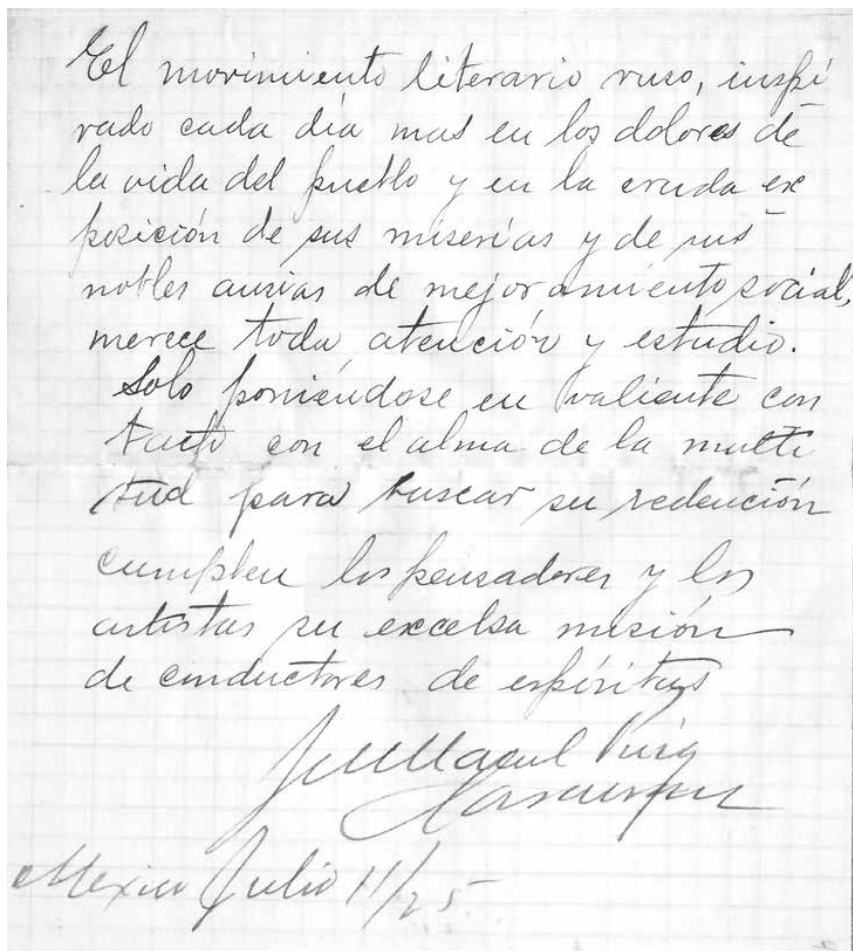
— Сеньоры, — произносит он сухо, — принимая во внимание все обстоятельства, я нахожу, что мы не вправе вынести окончательный приговор. Предоставим это будущим поколениям.

— Но ваше личное мнение, сеньор министр? — настаивают репортеры.

Министр прищуривается:

— Во всяком случае, несомненно одно: перед нами — философ. Да, сеньоры, философ с кистью в руках!..» [Осват 1969: 45].

В записной книжке Маяковского автограф Касауранка датирован 11 июля — на третий день пребывания Маяковского в Мехико. Накануне, как отмечено в статье поэта Хосе Долореса Фриаса (José Dolores Frías, 1891–1936) «Новая лирика. Русский поэт Владимир Маяковский» (23 июля 1925 г.), он «застал Маяковского в обществе русского посла, в ту минуту, когда они обсуждали предстоящий визит к министру просвещения Мексики для беседы о московской литературе» (цит. по: [Кэмрад 1970: 66]). Таким образом, встреча Маяковского и Касауранка была официально согласованной, ее тема отражала интерес министра к русской литературе, что и зафиксировано в автографе.

El movimiento literario ruso, inspi-
rado cada día mas en los dolores de
la vida del pueblo y en la cruda ex-
posición de sus miserias y de sus
nobles ansias de mejor anuento social,
merece toda atención y estudio.
Solo poniéndose en valiente con-
tacto con el alma de la multi-
tud para buscar su redención
cumplen los pensadores y los
artistas su excelsa misión
de conductores de espíritus
Manuel Puig Casauranc
México Julio 11/25

Автограф министра просвещения Мексики Мануэля Пуига Касауранка в записной книжке В. Маяковского (записная книжка № 32, 11 июля 1925 г.)

Касауранк написал:

El movimiento literario ruso, inspirado cada día mas en los dolores de la vida del pueblo y en la cruda exposición de sus miserias y de sus nobles ansias de mejor anuento social, merece toda atención y estudio. Solo poniéndose en valiente contacto con el alma de la multitud para buscar su redención cumplen los pensadores y los artistas su excelsa misión de conductores de espíritus. Manuel Puig Casauranc. México Julio 11/25

(Русское литературное движение, с каждым днем все более вдохновляемое горестями народной жизни, в своем суровом изображении этих несчастий и в своем страстном желании социальных преобразований заслуживает всяческого внимания и изучения. Только смело вступая в контакт с душою масс, чтобы найти свое спасение, в поисках оправдания, мыслители и художники выполняют свою высокую миссию вождей духа. Мануэль Пуиг Касауранк. Мехико, июль 11/25)⁵

Маяковский, как мы убедились, смотрел на фрески глазами Риверы, и хотя автограф Касауранка был важным свидетельством интереса к русской культуре, к развитию взаимных связей, в очерках Маяковского, посвященных Мексике, его нет. Маяковский не упомянул имени министра, не процитировал его автограф, лишь сдержанно, словно пересказывая резкие оценки Риверы, написал: «Сейчас эта первая коммунистическая роспись в мире — предмет злейших нападок многих высоких лиц из правительства президента Кайеса... Были случаи нападения хулиганов и замазывания и соскребывания картин» [Маяковский 1955–1961, 7: 276]. О подобных враждебных действиях Ривера рассказывал и позже, направляясь осенью 1927 г. в Москву на 10-летие Октябрьской революции. В корреспонденции «Наши гости и друзья из Берлина» сообщалось:

Ривера — живописец мексиканского пролетариата. От того индейцы Мексики его понимают лучше, чем интеллигенция его страны, которая, за немногими исключениями долгое время против него боролась. [...] эта вражда достигала таких размеров, что были повреждены чудесные фрески Риверы во дворе министерства просвещения, и художник с револьвером в руках должен был защищать свои революционные произведения. В этом ему помогали пролетарии⁶.

Естественно предположить, что под «высоким лицом» подразумевался министр Касауранк.

В своем материале от 10 июля 1925 г. газета *Excelsior* писала о планах поэта: «Маяковский предполагает написать книгу о Мекси-

⁵ Перевод с исп. А.Ф. Кофмана.

⁶ *Гамма*. Наши гости и друзья из Берлина // Правда. 1927. 3 ноября. (Указано О.Ю. Пановой)

ке. Он сказал, что уже приступил к работе. Он предупредил нас, что она будет лишена каких-либо политических тенденций, в ней будет говориться исключительно о традициях мексиканцев, и что он постарается выразить в своих стихах национальный дух нашего народа» (цит. по: [Катанян 1985: 303]). Однако за короткий срок трудно собрать материал для такой книги, — работа над ней была, скорее всего, лишь официально заявленной целью визита в Мексику. Озабоченный американской визой поэт ограничился несколькими очерками и стихами.

Однако в тексте книги «Мое открытие Америки» сохранился еще один мексиканский автограф, который был в записной книжке № 32. Маяковский сообщал:

К сожалению, я не могу дать достаточного очерка жизни коммунистов Мексики. Могу только вспомнить несколько встреч с товарищами... Товарищ Морено (депутат от штата Вера-Крус) вписал в мою книжку, прослушав «Левый Марш»: «Передайте русским рабочим и крестьянам, что пока мы еще только слушаем ваш марш, но будет день, когда за вашим маузером загремит и наше “33” (калибр кольта)». Кольт загремел, но, к сожалению, не мореновский, а в Морено. Уже находясь в Нью-Йорке, я прочел в газете, что товарищ Морено убит правительственными убийцами [Маяковский 1955–1961, 7: 128].

Франсиско Хавьер Морено (1895–1925) был коммунистом, членом палаты депутатов штата Веракрус. Он встречался с Маяковским и запечатлен на нескольких фотографиях у здания советского представительства. Морено намечал для Маяковского путешествие вглубь Мексики. Сообщение, о котором упомянул Маяковский, появилось в коммунистической газете *Daily Worker* от 17 сентября и было озаглавлено: «Сенсационное убийство мексиканского политического деятеля»⁷. В номере от 19 сентября говорилось:

МЕКСИКА, 17 сентября — Франсиско Морено, коммунист Палаты депутатов штата Веракрус был убит в правительственном дворце Халапы. Морено недавно стал известен тем, что разоблачил факт получения взятки в миллион песо от нефтяной компании генералом Хара, губернатором штата, а также его соратниками в обмен на

⁷ “Mexican Politician Is Assassinated Causing Sensation. Mexico City Sept. 15,” *Daily Worker*, September 17, 1925, 2.

передачу этой компании ценных земель, богатых нефтью. [...] Морено состоял в коммунистической партии около года — то есть с момента его избрания в палату депутатов, позволившего понять лицемерие и коррумпированность мексиканских «социалистов». Вступив в партию, он преданно следовал ее принципам (убийство подтвердило это) и провел блестящую кампанию в Палате от лица всех рабочих и крестьян.

Получая крупное жалование как политик, он передавал большую часть в коммунистическую партию, крестьянскую лигу Веракруса и другим рабоче-крестьянским организациям. [...]

Есть известная среди мексиканцев поговорка: «тридцать третья для иностранцев и тридцать-тридцать для мексиканцев». Она иллюстрирует, какие методы использует правительство по отношению к осмеливающимся ему противостоять. (Статья 33 — статья закона, дающая право высылать неугодных, по ней Бертрам Вулф был депортирован, а 30-30 — распространенное в Мексике оружие, ставшее своего рода символом политических заказных убийств, каким и является убийство Морено).

Стоит заметить и то, что Кальес собирался посетить Халапу завтра. Это напоминает «приготовления» к посещению русскими царями древности их провинциальных столиц; приготовления эти включали в себя и устранение политических врагов. Морено - первый коммунист, принявший мучительную смерть от рук нового «рабочего» правительства»⁸.

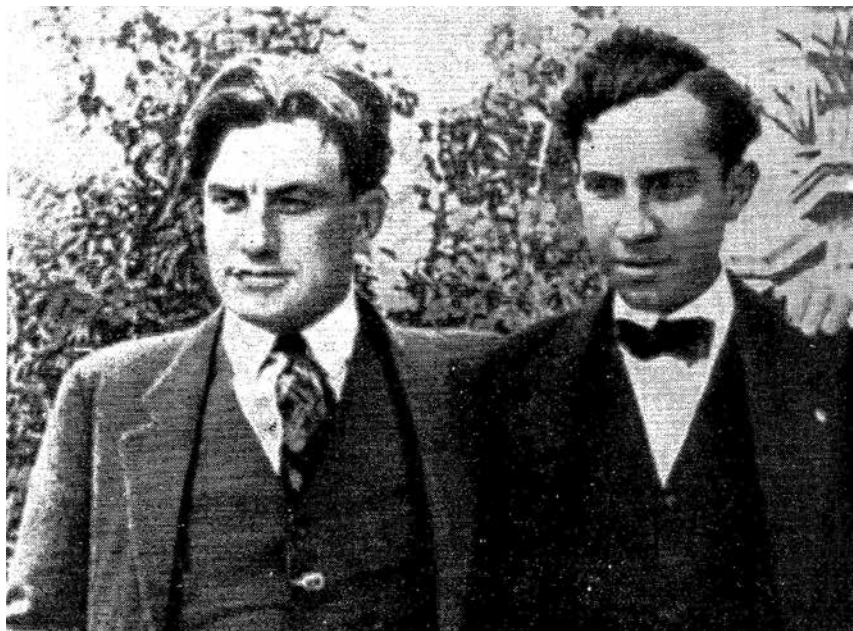
22 сентября в газете *Daily Worker* была напечатана фотография Морено и Маяковского, сделанная итальянской актрисой и известным фотографом Тиной Модотти⁹. Текст под фотографией гласил:

⁸ “Communist Deputy of Vera Cruz Murdered by Agent of Calles Government in Jalapa Palace,” *Daily Worker*, Chicago, September 19, 1925, 1.

Маяковский неточно записал перевод мексиканской поговорки, указав в тексте очерка «33 — калибр кольца». Упоминание в корреспонденции Бертрама Вулфа и русских царей указывает на возможного автора — Элли Вулф (см. о ней примечание 12).

⁹ “Mexican Communist Deputy Murdered,” *Daily Worker*; September 22, 1925, 5.

Тина Модотти (1896–1942) — итало-американская актриса, фотограф, левая активистка, сотрудничавшая с Коминтерном. В 1913 г. уехала из Италии в США, затем жила в Мексике (1926–1930, 1939–1942), в Германии и СССР (1930, 1931–1936), Испании (1936–1939). В 1922–1927 г. в Мексике вращалась в левых артистических кругах, стала возлюбленной муралиста Хавьера Герреро (1922–1927), была близко знакома с Риверой, Фридой Кало, Сикейросом, вела

Владимир Маяковский и Франсиско Хавьер Морено. Фото Тины Модотти.
Daily Worker. September 22, 1925

Коммунистический депутат мексиканского парламента убит. Франсиско Х. Морено, справа, коммунист, депутат от Веракрус, убит за разоблачение предательской политики правительства Кальеса. Морено убили за несколько часов до приезда президента Кальеса в этот город с официальным визитом. Слева — русский пролетарский поэт Владимир Маяковский.

Вырезки из этих газет Маяковский сохранил и привез в Москву. Почти три недели провел Маяковский в Мексике, дожидаясь визы в Соединенные Штаты. Уже на пятый день, 15 июля 1925 г., он писал Лиле Брик:

Во-первых, конечно, все это отличается от других заграниц главным образом всякой пальмой и кактусом, но это произрастает в надлежащем виде только на юге за Вера-Круц. Город же Мехико

«фотолетопись» мурализма, в частности, сделала сотни фото муралей Риверы на Дворце Просвещения. Вероятно, ее фотографиями фресок Маяковский иллюстрировал книгу «Мое открытие Америки» и отрывки из нее, печатавшиеся в журналах.

тяжел, неприятен, грязен и безмерно скучен. Я попал не в сезон (сезон — зима), здесь полдня регулярно дождь, ночью холода и очень паршивый климат, т. к. это 2400 метров над уровнем моря, — поэтому ужасно трудно [...] дышать и сердцебиения. Что уже совсем плохо.

Я б здесь не задержался более двух недель. Но, во-первых я связался с линией «Трансатлантик» на пароход (а это при заказе обратного билета 20%! скидки), а во-вторых, бомбардирую телеграммами о визе Соединенные Штаты. Если же Соединенных Штатов не выйдет, выеду в Москву около 15 августа и около 15–20 сентября буду в Москве. Через несколько дней с секретарем посольства¹⁰ едем внутрь Мексики — в тропические леса...» [Маяковский 1955–1961, 13: 78].

В тот же день, 15 июля, благодаря усилиям секретаря советского полпредства в Мексике Л.Я. Гайкиса, было получено письмо от Вилли Погани¹¹, владельца художественной галереи в Нью-Йорке, приглашавшего Маяковского провести выставку художественных работ. Оставалось найти второго поручителя для въезда в США. Им оказался знакомый послу С.С. Пестковскому владелец фермы. Залоговую сумму в 500 долларов Маяковский одолжил у Гайкиса и Элли Вулф (отдавал он ее частями до 1928 г.). Супруги Вулф¹² были членами

¹⁰ Имеется в виду Леон Яковлевич Хайкис (по метрике Гайкис, 1898–1937), первый секретарь советского полпредства в 1925 г., а затем чрезвычайный и полномочный посол в Мексике. В 1937 г. был обвинен в шпионаже в пользу Польши и расстрелян. Маяковский назвал его «самый большой мексиканский друг». В очерках сохранилось его имя: «Я хочу еще быть в Мексике, пройди с товарищем Хайкисом еще Мореном намеченную для нас дорогу [...] в непроезженный тропический лес [...]» [Маяковский 1955–1961, 7: 291]. А в письме Лиле Брик в октябре 1928 г. он просил: «Дорогой Кис, пожалуйста, взлелей милого товарища Хайкиса».

¹¹ Уильям Эндрю Погани (William Andrew Pogany, настоящее имя Vilmos András Pogány, 1882–1955) — американский художник венгерского происхождения (в США с 1914 г.), работавший в стиле ар нуво, иллюстратор, муралист, портретист, скульптор, сценограф, дизайнер. Сотрудничал с ведущими журналами, издательствами, театрами (например с «Метрополитен-опера»).

¹² Бертрам Дэвид Вулф (Bertram David “Bert” Wolfe, 1896–1977) — американский ученый, публицист, коммунист, университетский преподаватель, автор биографий Ленина, Сталина, Троцкого, Риверы, сотрудничал с Коминтерном. В 1917 г. его женой стала Элла Голдберг-Вулф (Ella Goldberg Wolfe, 1896–2000), уроженка Херсона, левая активистка, член компартии США. В 1922–1927 гг. Вулфы жили в Мексике, тесно общались с левыми литераторами и художниками (муралистами, авангардистами) и позже поддерживали дружеские отношения с Риверой, Кало и рядом других мексиканских знакомых. Со временем их убеждения изменились: после Второй мировой войны супруги стояли на антикоммунистических и антисталинистских позициях.

Коминтерна и проживали, как и Маяковский, в здании полпредства. Э. Вулф сделала большинство мексиканских фотографий поэта. Три фотографии (с Морено, с Гайкисом и в группе) принадлежат Тине Модотти. По сообщению журнала фотография Маяковского на арене перед корридой также атрибутирована Т. Модотти¹³.

По поводу «политических тенденций» поэт должен был соблюдать осторожность. Страницы с автографом Морено Маяковский вырвал из книжки при пересечении границы в Ларедо, где был задержан на сутки. В другой его записной книжке под номером 33 есть автограф стихотворения «Мексика», где речь идет в числе прочего и о революционной борьбе. Однако имена мексиканских коммунистов, с которыми Маяковский встречался, а также слова «багровое знамя» зачеркнуты в целях конспирации, дабы избежать осложнений при таможенном досмотре¹⁴. Возможно, по той же причине, а не ошибочно, дата под этим стихотворением указана на месяц раньше приезда в Мексику¹⁵.

Впечатления от Мексики, легенды, связанные с ее прошлым, Маяковский включил в книгу очерков «Мое открытие Америки». Например, повествуя о происхождении национального мексиканского флага, он излагал предание о том, как отряд повстанцев, поедая арбуз, решил этот вопрос:

Необходимость быстрой переброски не дала долго задумываться. «Сделаем знамя — арбуз», — решил выступающий отряд. И пошло: зеленое, белое, красное — корка, прослойка, сердцевина» [Маяковский 1955–1961, 7: 290–291].

Об этом символе поэт вспоминает и в стихотворении «Мексика»:

Скорей
над мексиканским арбузом,
багровое знамя, взметись! [Маяковский 1955–1961, 7: 48]

¹³ Подробнее см.: [Rodríguez y Méndez 2016].

¹⁴ Среди первых мексиканцев, посетивших музей В.В. Маяковского в Москве, была дочь Франсиско Морено, оставившая в книге отзывов запись: «Революционеры, посещая музей Маяковского, будут укреплять свою веру в великое созидательное творчество революции. Мы в нашей борьбе всегда будем помнить о музее Маяковского» [Колесникова 2019: 51].

¹⁵ Дата написания у Маяковского в автографе — 20.6.25 — на самом деле 20.7.25 (первая публикация — Огонек. 1926. № 1. 3 января).

Как уже отмечалось, Маяковский основное внимание уделял мексиканскому искусству, однако, несмотря на языковой барьер, он встречался с местными писателями и включил в очерки об Америке главу о литературной жизни (см. об этом: [Терехина 2017]).

Поэзия: Ее много. В саду Чапультапеке есть целая аллея поэтов — Кальсада де лос поэтос. Одинокие мечтательные фигуры скребуются в бумажке. Каждый шестой человек — обязательно поэт. Но все мои вопросы критикам о сегодняшней значительной мексиканской поэзии, о том, есть ли что-либо похожее на советские течения, — оставались без ответа. Даже коммунист Герреро¹⁶, редактор железнодорожного журнала, даже рабочий писатель Крус¹⁷ пишут почти одни лирические вещи со сладострастиями, со стонами и шепотами, и про свою любимую говорят: комо леон нубио (как нубийский лев) [Маяковский 1955–1961, 7: 276].

Причиной такого положения дел Маяковский считал «слабый социальный заказ». «Редактор журнала “Факел”¹⁸ доказывал мне, что платить за стихи нельзя, — какая же это работа!» — иронически пишет Маяковский и отмечает, что «...этот взгляд на поэзию был и в России в предпушкинскую и даже в пушкинскую эпоху. Профессионалом,

¹⁶ Хавьер Герреро (Xavier Guerrero; настоящее имя Javier Guerrero Saucedo Francisco, 1896–1974) — художник, представитель мексиканского мурализма, близко дружил с Диего Риверой, Фридой Кало, Давидом Сикейросом. Во многом под влиянием возлюбленной, актрисы и фотографа Тины Модотти проникся коммунистическими идеями и просоветскими взглядами, стал активистом левого движения. Вместе с Сикейросом создал прокоммунистический журнал *El Machete* (осн. 1924). В 1927 г. побывал в СССР.

¹⁷ Карлос Гутьеррес Крус (Carlos Gutiérrez Cruz, 1897–1930) — поэт, входивший в круг левых интеллектуалов и деятелей культуры (Х. Васконселос, Д. Ривера, Хавьер Герреро, Энрике Уренья). На момент прибытия Маяковского в Мексику выпустил один из лучших своих поэтических сборников «Красная кровь: свободолюбивые стихи» (*Sangre roja: versos libertarios*, 1924). См. подробнее о нем и его знакомстве с Маяковским: [Gutiérrez López 2020].

¹⁸ Маяковский имеет в виду Хосе Васконселаса или Самуэля Рамоса. Хосе Васконселос Кальдерон (José Vasconcelos Calderón, 1882–1959), «каудильо культуры мексиканской революции» (как его называли современники) — историк, философ, политик, первый мексиканский министр народного образования (1921–1924), был создателем и редактором еженедельника *La Antorcha* (осн. 1924). Однако в 1925 г. Васконселос уже передал редакторские полномочия Самуэлю Рамосу (1897–1959) — философу, писателю, эссеисту, публицисту. В музее В.В. Маяковского хранится фотография поэта с дарственной надписью: «Анторче», по какой-то причине оставшаяся неврученной.

серьезно вставлявшим стихи в бюджет, был, кажется, тогда только один Пушкин» [Маяковский 1955–1961, 7: 277]. Для советского поэта «насушной книгой», кроме «Дон Кихота», является брошюра «об империализме в Соединенных Штатах и возможности объединения Латинской Америки для борьбы», а также «лубочные листки с поэмой, приспособленной к распеву на какой-нибудь общеизвестный мотив».

В такой ситуации Маяковского радовала сама перспектива знакомства мексиканцев с новой культурой, которую, как он отметил, «любят и уважают, хотя больше понаслышке. Сейчас переводятся (!) Лев Толстой, Чехов, а из новых я видел только “Двенадцать” Блока да мой “Левый марш”» [Маяковский 1955–1961, 7: 277].

Хосе Фриас в статье «Новая лирика. Русский поэт Владимир Маяковский» писал:

Я навестил Маяковского в русском посольстве. [...] я услышал, как он декламирует одну из жемчужин своей поэзии — «Наш марш», и попытался перевести это стихотворение, но не сумел дать даже отдаленного представления о его изумительном ритме (цит. по: [Кэмрад 1970: 67–68]).

Тогда же перевод «Нашего марша» был напечатан в обрамлении рисунка Диего Риверы.

«Маяковский для Мексики был метеором — по краткости своего пребывания и ослепительности своего гения. Но свет этого метеора не угас в нашей стране — он озаряет нас всех и сегодня, — писал Диего Ривера. — Маяковский недолго жил среди нас, но тем не менее, мы чувствуем, что он принадлежит и нам, потому что его гений породил расцвет многих мексиканских талантов» [Терехина, Зименков 1988: 296]¹⁹. Диего Ривера отмечал, что под влиянием Маяковского значительно изменилась мексиканская поэзия, как впоследствии под влиянием таланта Сергея Эйзенштейна выросли мексиканские кинематографисты: «двое “эстридентистов” вступили на путь социального творчества — Херман Лист Арсубиде и Аркелес Вела²⁰».

¹⁹ Д. Ривера написал воспоминания о Маяковском в 1956 г., когда приезжал в Москву на лечение. Тогда же был сделан рисунок «Таким я помню Маяковского в Мексике». Этот текст перевел и опубликовал А.В. Февральский в приложении к своей статье [Февральский 1969].

²⁰ Аркелес Вела (Arqueles Vela, 1899–1977) — мексиканский писатель-модернист и журналист гватемальского происхождения. Участник авангардистской

Нам довелось познакомиться с 85-летним Арсубиде во время посещения им Музея В.В. Маяковского в Москве летом 1983 г. Он был необыкновенно воодушевлен увиденным, рассказывал о Маяковском и по нашей просьбе, вернувшись в Мексику, написал воспоминания о своей встрече с поэтом, а также прислал стихотворение, которым в 1943 г. приветствовал 50-летний юбилей Маяковского. Херман Лист Арсубиде (German List Arzubide, 1898–1998) входил в группу *Noviembre*²¹, где читали Блока, Есенина, Маяковского, где собирались Хосе Мансисидор, Мигель Агильтон Гусман (Miguel Aguillon Guzmán, 1898–1995)²², Мигель Бустос Сереседо (Miguel Bustos Cerecedo, 1912–1990)²³, Луис Кордова (Luis Córdova, 1908–1997)²⁴ и др. «Я был выбран для поездки в столицу и должен был найти способ пригласить его в Веракрус, потом в Халапу, чтобы услышать его стихи и высказать нашу огромную любовь», — вспоминал Арсубиде. Встреча состоялась:

Было восемь часов дождливого вечера в Мехико. Все были в ожидании Владимира Маяковского, когда наконец распахнулась дверь маленькой мастерской, и я увидел человека, поразившего меня своим обликом. Он оказался таким, каким я его воображал: живым воплощением своих стихов. Его фигура приковывала всеобщее внимание. Он двигался порывисто, улыбался, глаза смотрели внимательно — это было лицо друга и товарища [...]. Передо мной находился не просто человек, а целый бурлящий вулкан, огненные потоки которого наполняли и нас своим огнем, зажигали нас [...]. Это был незабыва-

группы эстридентистов. Печатался в мексиканской газете *El Universal Ilustrado* под псевдонимом Сильвестр Парадокс.

²¹ В начале 1930-х гг. в Халапе, штат Веракрус, возникло литературное движение, отделившееся от эстридентизма и, шире, авангардизма 1920-х. Группа *Noviembre* («Ноябрь») ставила целью создание «пролетарской литературы». Ее участники (Хосе Мансисидор, Херман Лист Арсубиде и др.) тяготели к социальному реализму и документалистике. Группа издавала журналы *Simiente*, *Noviembre*, *Ruta*, а также выпускала книги в собственном издательстве *Integrales*.

²² Уроженец штата Веракрус, литератор и политик. Был участником эстридентизма, сотрудничал с журналом *HORIZONTE*.

²³ Поэт, прозаик, эссеист, педагог, уроженец штата Веракрус. Участник литературной группировки *Noviembre* (г. Оахака). Один из создателей мексиканской Лиги революционных писателей и художников (*Liga de Escritores y Artistas Revolucionarios* — LEAR, 1933)

²⁴ Драматург, прозаик, поэт, левый активист, уроженец штата Веракрус. Участник ряда литературных групп, в том числе LEAR. Сотрудничал с журналами *El Nacional*, *El Universal Ilustrado*, *Excélsior*.

емый вечер. Кто-то, не знаю, кто именно, переводил нам его слова и ему — наши. Мы договорились вновь встретиться в какой-нибудь другой части мира...» [Терехина, Зименков 1988: 294–295].

Можно предположить, что источником легендарных историй чаще оказывался Диего Ривера, несомненно, склонный к мифологизации. Он восхищался Маяковским, его «трибунным» голосом и темпераментом. Так, Ривера рассказывал:

В доме наших советских друзей, людей весьма уважаемых, собралась группа мексиканцев, среди которых были политические деятели, депутаты и сенаторы, писатели, бывшие бойцы, художники, инженеры, врачи, экономисты и несколько дам. Каждый из них был готов убить того, кто осмелился бы усомниться в его революционности. [...] Начались тосты, речи, завязались споры — и вдруг возникла драка, в которой невозможно было понять, кто с кем и из-за чего дерется. Советские товарищи, возмущенные таким странным способом заканчивать банкеты, призывали к спокойствию и предлагали дерущимся выйти на улицу и продолжить сражение там. Сначала оружием, кроме кулаков, служили бутылки, стаканы, стулья, но потом внезапно засверкала сталь револьверов. До сих пор Владимир только улыбался и жестами призывал к спокойствию. Но, увидев револьверы в руках мексиканцев, которые в таких случаях пользуются ими для удара дулом, а под конец стреляют, и как бы предвидя это, голосом, перекрывшим шум, Маяковский крикнул по-русски: «Слушайте!» Все прекратили драку и уставились на него, а он стал читать «Левый марш», и голос его звучал все громче и звонче. Мексиканцы успокоились и, когда поэт закончил чтение, устроили ему бурную овацию: бросились к нему, чтобы обнять его, и стали обнимать друг друга. Так чудодейственный голос Маяковского и его поэзия восстановили мир. Достигнув этого, поэт вышел на улицу, и все последовали за ним» [Терехина, Зименков 1988: 515–516].

В этом воспоминании роль Маяковского близка к функции мифологического героя. Однако вспомним фразу поэта о Ф. Морено: свой автограф он «вписал в мою книжку, прослушав “Левый марш”...». Возможно, речь шла именно об этом случае.

Маяковский стал вторым после К. Бальмонта русским поэтом, посетившим Мексику. Его стихи были тогда известны лишь узкому

кругу писателей, но благодаря встречам и беседам с поэтом интерес к его творчеству вырос. У Маяковского не было официальных выступлений, однако за неполные двадцать дней среди его знакомых появились министр просвещения Касауранк, депутат Франсиско Морено, художник Диего Ривера, фотограф Тина Модотти, поэты Херман Лист Арсубиде, Хосе Фриас, Карлос Гутьеррес Крус, коммунист Карильо²⁵, супруги Вулф, муралист Хавьер Герреро, — довольно представительный срез мексиканского общества²⁶. Несмотря на то, что Маяковский, вероятно, под влиянием Риверы не опубликовал автограф Касауранка, он дорожил этим знаком внимания к нему и его стране, сохранил эту записную книжку среди своих творческих рукописей. Тем более что существовал аргумент не научного свойства, но для нас, безусловно, важный: в этой красивой записной книжке, подаренной Лилей Брик, Маяковский хранил и носил в нагрудном кармане пиджака получаемые от нее в течение полугодового путешествия телеграммы, о чем и сообщал в свойственной ему ироничной манере: «Спасибо, детик, за телеграммки, они ужасно хорошие и лежат на грудях в чудной свиной коже» [Маяковский 1955–1961, 13: 79].

Такова история автографов мексиканской записной книжки Маяковского и его отношения к этим записям. За каждой из них раскрывается важный и не всегда адекватно понятый социокультурный контекст жизни и творчества поэта, ставшего олицетворением революционного искусства XX в.

²⁵ Рафаэль Каррильо Аспейгиа (Rafael Carrillo Azpéitia, 1903–1994) — секретарь ЦК компартии Мексики.

²⁶ О знакомствах и круге общения Маяковского в Мексике см.: [Richardson 1980].

ЛИТЕРАТУРА

Арутчева 1958 — *Арутчева В.А.* Записные книжки В.В. Маяковского // Литературное наследство. М.: Изд-во Акад. наук СССР. 1958. Т. 65: Новое о Маяковском. С. 325–396.

Катанян 1985 — *Катанян В.А.* В.В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности / отв. ред. А.Е. Парнис. 5-е изд., доп. М.: Сов. писатель. 1985. 648 с.

Колесникова 2019 — *Колесникова Л.Е.* Маяковский и Ривера // Московский журнал. 2019. № 1 (337). С. 45–53.

Кэмрад 1970 — *Кэмрад С.С.* Маяковский в Америке. Страницы биографии. М.: Сов. писатель. 1970. 272 с.

Маяковский 1955–1961 — *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Гослитиздат, 1955–1961.

Осповат 1969 — *Осповат Л.С.* Диего Ривера. М.: Молод. гвардия, 1969. 352 с.

Терехина 2017 — *Терехина В.Н.* Владимир Маяковский в Латинской Америке (1930–1940) // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 288–306.

Терехина, Зименков 1988 — *Терехина В.Н., Зименков А.П. (сост.)* «Я земной шар чуть не весь обошел...»: сб. М.: Современник, 1988. 558 с.

Февральский 1969 — *Февральский А.В.* Латиноамериканцы и Маяковский // Нева. 1969. № 7. С. 177–179.

Янгфельдт 2009 — *Янгфельдт Б.* Ставка — жизнь. Маяковский и его круг. М.: Колибри, 2009. 638 с.

REFERENCES

Arutcheva 1958 — Arutcheva, Varvara A. “Zapisnye knizhki V.V. Maiakovskogo” [“V.V. Mayakovsky’s Notebooks”]. In *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*. Vol. 65, *Novoe o Maiakovskom [New on Mayakovsky]*, 325–396. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1958. (In Russ.)

Fevral'skii 1969 — Fevral'skii, Aleksandr V. “Latinoamerikantsy i Maiakovskii” [“Latin Americans and Mayakovsky”]. *Neva*, no. 7 (1969): 177–179. (In Russ.)

Gutiérrez López 2020 — Gutiérrez López, León Guillermo. “Carlos Gutiérrez Cruz, el poeta socialista de México.” *Connotas. Revista de crítica y teoría literarias*, núm. 20 (enero–junio 2020): 81–100.

Jangfeldt 2009 — Jangfeldt, Bengt. *Stavka — zhizn'. Maiakovskii i ego krug [Life Is at Stake: Mayakovsky and His Circle]*. Moscow: Kolibri Publ., 2009. (In Russ.)

Katanian 1985 — Katanian, Vasilii A. *V.V. Maiakovskii. Khronika zhizni i deyatel'nosti [V.V. Mayakovsky: Chronicle of Life and Work]*. Edited by Aleksandr E. Parnis. 5th ed. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1985. (In Russ.)

Kemrad 1970 — Kemrad, Semen S. *Maiakovskii v Amerike [Mayakovsky in America]*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1970. (In Russ.)

Kolesnikova 2019 — Kolesnikova, Larisa E. “Maiakovskii i Rivera” [“Mayakovsky and Rivera”]. *Moskovskii zhurnal*, no. 1 (January 2019): 45–53. (In Russ.)

Maiakovskii 1955–1961 — Maiakovskii, Vladimir V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete Works, in 13 vols.]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1955–1961. (In Russ.)

Ospovat 1969 — Ospovat, Lev S. *Diego Rivera*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 1969. (In Russ.)

Richardson 1980 — Richardson, William. Maiakovskii in México. *Historia Mexicana* 29, núm. 4 (abril–junio 1980): 623–639.

Rodríguez y Méndez 2016 — Rodríguez y Méndez, María de las Nieves. “¡América! Vladimir Mayakovsky en México a través de la fotografía de Tina Modotti, 1925.” *Revista historia para todos* 3, núm. 2 (julio 2016): 98–106.

Terekhina 2017 — Terekhina, Vera N. “Vladimir Maiakovskii v Latinskoi Amerike (1930–1940)” [“Vladimir Mayakovsky in Latin America, 1930–1940”]. *Literature of the Americas*, no. 3 (2017): 288–306. (In Russ.)

Terekhina, Zimenkov 1988 — Terekhina, Vera N., and Aleksei P. Zimenkov, eds. “*Ia zemnoi shar chut' ne ves' oboshel...*” [“I Have Traveled Almost the Entire Globe...”]. Moscow: Sovremennik Publ., 1986. (In Russ.)

© 2022, В.Н. Терехина, А.П. Зименков © 2022, Vera N. Terekhina, Aleksei P. Zimenkov

Дата поступления в редакцию: 10.09.2021

Received: 10 Sept. 2021

Дата одобрения рецензентами: 15.10.2021

Approved after reviewing: 15 Oct. 2021

Дата публикации: 25.05.2022

Date of publication: 25 May 2022